

Д. В. СИЧИНАВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
mitrius@gmail.com

**ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ:
НОВЫЙ ОБЗОР КОРПУСА ПРИМЕРОВ
В БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ***

Статья посвящена анализу всех десяти примеров плюсквамперфекта в новгородских берестяных грамотах XII–XV вв. с учетом других древнерусских памятников раннего периода, в том числе новых эпиграфических находок. Предложена уточненная по сравнению с предыдущими работами трактовка семантики половины из этих примеров, причем особое внимание уделено значению ‘нарушение нормального хода ситуации’, которое не следует смешивать с ‘аннулированным результатом’. В качестве параллелей привлекаются примеры из других источников с однокоренными и/или синонимичными глаголами. В ряде случаев из интерпретации формы плюсквамперфекта следует и новая версия трактовки более широкого контекста. Обсуждается также проблема соотношения сверхсложной (со вспомогательным *быль*) формы плюсквамперфекта и вида в древнерусских текстах.

Ключевые слова: древнерусский язык, древненовгородский диалект, берестяные грамоты, плюсквамперфект, грамматическая семантика, соотношение вида и времени.

Исходя из того, что известно о древнерусских формах плюсквамперфекта (в том числе в типологическом контексте и сквозь призму употребления современного русского *было*), можно сделать новые выводы и/или предложить уточненные толкования для соответствующих форм в пяти из десяти берестяных грамот, в которых встретилась эта форма (раздел 4 настоящей статьи). Некоторые из рассматриваемых примеров встречаются в юридических или близких к такому статусу документах, связанных с тем или иным разбирательством, и, возможно, несут перформативный характер, выявленный (в частности, на материале некоторых берестяных грамот) П. В. Петрухиным [2013]. При этом я привлекаю параллели из других источников со сверхсложной формой и однокоренными и/или синонимичными глаголами:

---

* Работа выполнена в Институте славяноведения РАН при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00352 «Некнижная письменность Древней Руси XI–XV вв. (берестяные грамоты и эпиграфика): новые источники и методы исследования»).

быле наделиле [далее в тексте условное наклонение: *быхо посолале*] в № 705 — *быль послалъ* в полоцкой грамоте № 111;
было аль ‘арестовал’ в № 502 — *быль приалъ* ‘арестовал’ в Киевской летописи по Ипат.;
быль рьклъ в № 675, *реклъ кси* *быль* в № 195 — *реклъ быль* в Новгородской I летописи по Синод. и Галицко-Волынской летописи по Ипат.;
возилесь [возможно, за этой записью стоит *ввозилесь*] *быле* в № 300 — *ввезлись были* в грамоте 1555 г. и *менили есмя были* в грамоте 1428–1432 гг.

Я также даю новый общий обзор употребления плюсквамперфекта во всем корпусе берестяных грамот. Для этого я сначала привожу классический анализ А. А. Зализняка в книге «Древненовгородский диалект», в том числе приведенные там интерпретации плюсквамперфекта в двух грамотах (раздел 2), а затем изложенные в наших с П. В. Петрухиным работах 2006–2018 гг. концепцию употребления сверхсложной формы и анализ еще трех грамот (раздел 3). В разделе 5 я подвожу итоги, затрагивающие семантику формы, а также ее сочетаемость с видом, на фоне всего древнерусского корпуса.

Моя работа в известной мере параллельна статье Я. А. Пеньковой, посвященной второму будущему в древненовгородском диалекте [Пенькова 2019].

1. О фонде примеров плюсквамперфекта на бересте.

Эпиграфические находки

С момента выхода первого издания «Древненовгородского диалекта» А. А. Зализняка, где был предложен пока единственный обзор практически всех употреблений плюсквамперфекта в берестяных грамотах [Зализняк 1995: 157–158], корпус примеров этой формы на бересте новыми находками не пополнялся. В хронологическом порядке это грамоты из Новгорода с перечисленными ниже номерами. В скобках указаны условные даты в соответствии с базой данных gramoty.ru; стрелки означают вероятное хронологическое смещение вперед или назад (в дальнейшем при самих цитатах из грамот каждый раз перед датой дается помета *усл.*, чтобы не вызывать у читателя иллюзию совершенной точности):

- 675 (←1140–1160→): см. раздел 4.3, пример (22)
- 724 (1160–1180): см. раздел 2, пример (5)
- 502 (←1180–1200), см. раздел 4.2, пример (20)
- 705 (1200–1220→), см. раздел 4.1, пример (18)
- 510 (←1220–1240), см. раздел 2, пример (6)
- 213 (1240–1260→), см. раздел 3, пример (15)
- 195 (1300–1320), см. раздел 4.4, пример (25)
- 4 (1320–1340→), см. раздел 3, пример (16)
- 366 (←1360–1380), см. раздел 3, пример (13)
- 300 (1420–1430), см. раздел 4.4, пример (26)

Как видим, грамоты, содержащие плюсквамперфект, весьма репрезентативно покрывают хронологическую шкалу: с 1140 по 1260 г. для каждого условного 20-летнего отрезка нашлось строго по одной такой грамоте, далее частотность падает примерно вдвое, но перерывы не превышают двух таких двадцатилетий, причем трижды возможен сдвиг даты именно в сторону «пустых» отрезков. Отсутствие примеров плюсквамперфекта в начальной части шкалы (XI — начало XII в.) хронологического значения может и не иметь (грамот в слоях этого периода вообще мало). Таким образом, несмотря на небольшой фонд примеров, большая часть истории древненовгородского диалекта, отразившейся в берестяных грамотах, документирована и с точки зрения того, как употреблялся в это время плюсквамперфект. Несправедлив скептицизм Й. Нёргор-Сёренсена, ставящего плюсквамперфект и предбудущее (о котором см. [Пенькова 2019]) в берестяных грамотах в один ряд с имперфектом (даже не аористом): «С другой стороны, остальные временные формы: имперфект, плюсквамперфект и *future exactum* — встречаются менее десяти раз¹ каждая во всем материале, опубликованном до сих пор. Таким образом, эти формы играют еще менее важную роль, чем аорист, и тем самым их надо считать реликтовыми» [Nørgård-Sørensen 1997: 5].

При этом, вероятно, лакуна, приходящаяся на начало XII в., все-таки заполнена новой находкой в области новгородской некнижной письменности, пусть и не на бересте, — имею в виду найденный в 2017 г. эпиграфический памятник со «сверхсложной»² (содержащей вспомогательный глагол в л-форме) конструкцией плюсквамперфекта. Это граффито № 33 церкви Благовещения на Городище, написанное кириллицей и сопровождающее недописанную глаголическую азбуку (граффито № 29). Данный комплекс надписей палеографически датируется широко XII в. (естественно, не раньше 1103 г., когда была построена сама церковь), хотя само по себе использование глаголицы указывает на более ранний период в рамках этого интервала.

- (1) А се Ст(ы)р(а)та **был(ъ) выложил(ъ)** [Гиппиус, Михеев 2019: 33]
‘а вот Стырята начал было выписывать [азбуку, но не дописал]’.

Действительно, в ряде случаев древнерусскую сверхсложную форму плюсквамперфекта можно перевести при помощи современной конструкции с частицей *было*, которая к ней восходит диахронически³, хотя здесь

¹ Й. Нёргор-Сёренсен учитывает новгородские грамоты только до № 710.

² Об этом термине см., например, [Петрухин, Сичинава 2006].

³ Утрата согласования вспомогательного глагола в плюсквамперфекте (т. е. превращение этого глагола в частицу *было*) по данным текущего состава среднерусского корпуса Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) засвидетельствована со второй трети XVI в.: *И государь князь великий пожаловал, дал было судью Филипа Левишина. И Филипа, господине, в те поры в животе не стало* (клинская грамота 1539 г.), *Да благословляю невестку свою [О]вдотью Михайлов-*

для адекватности перевода нужно добавить глагол *начать*; сказать ‘выписал было азбуку’, говоря о недописанном алфавите, теперь уже нельзя; ср. [Петрухин, Сичинава 2006: 200–201].

Заметим, что благодаря находкам начала XXI в. пополнился фонд и известных науке «книжных» форм плюсквамперфекта (с формой вспомогательного глагола *баше* или *бѣ*) в древнерусской эпиграфике. Принадлежащее к тому же комплексу благовещенских надписей длиннейшее древнерусское граффито № 1 [Там же: 36–40] о смерти Всеволода-Гавриила Мстиславича в 1138 г. содержит три примера книжного плюсквамперфекта со стандартным для него значением ‘предшествование/результат в прошедшем’. Таким образом, на одном и том же найденном при раскопках большом фрагменте штукатурки оказалось целых четыре экземпляра древнерусского плюсквамперфекта — достаточно редкой формы в древнерусских текстах. А еще в 2004 г. А. А. Зализняк опубликовал прочтение ранее не опознававшейся книжной формы плюсквамперфекта в надписи Софии Киевской 1093 г. о смерти Всеволода-Андрея Ярославича (см. об этих примерах ниже, раздел 3).

Данные эпиграфические примеры в целом подтверждают изложенную в [Петрухин, Сичинава 2006] концепцию **таксисного** («предшествование в прошедшем», «результат в прошедшем»), наряду с другими, употребления книжной формы и преимущественно **антирезультативного** («аннулированный результат», «прекращенная ситуация») употребления разговорной (сверхсложной) формы; подробнее об этой концепции см. раздел 3.

Сверхсложная форма плюсквамперфекта (по-видимому, впервые она описана в [Востоков 1863: 91] под названием «прошедшее совершенное»), в отличие от книжной формы, была свойственна живой речи. В летописях (например, в Новгородской первой летописи по Синод., в Суздальской по Лавр., в Киевской и Волынской по Ипат., см. также пример из предисловия к Софийскому временнику (11)) она за небольшим числом исключений⁴

скую жену сына своего селцом Бабиным да к нему деревня Суслово во Тверском уезде, чем было благословил Федор Рян[чи]ков Белеутов сестру свою Анну, а мою жену, да сына моего Михаила (духовная И. В. Полева, 1555, включена в правую грамоту 1585–1588 гг.), многочисленные примеры сочетания *наехал было* в «Книге раздачи жалованья служилым людям государева полка» (1556–1557). С учетом этих данных можно считать, что хорошо известные в литературе примеры частицы *было* из челобитных Ивана Пересветова (1549), дошедших до нас в списках следующего века, восходят к оригиналу. Период конкуренции и сосуществования согласуемой и несогласуемой форм в великорусском центре продолжался как минимум до начала XVIII в. [Мольков 2016], перелом датируется второй третью XVII в. [Черных 1953: 346–347]. В русских говорах разных регионов (в основном Севера, но не только там), как известно, согласуемый вариант сохраняется и в наше время (ср. [Сичинава 2019: 33] со ссылками на работы диалектологов).

⁴ Некоторые из этих исключений сомнительны текстологически (ср. [Петрухин, Сичинава 2008: 235; Петрухин 2013: 77–78]), где обсуждается отмеченный ранее

выступает в составе реплик. Хорошо известно, что прямая речь светских персонажей в Киевской летописи сохраняет и другие живые грамматические черты, например порядок энклитик; часто это вслед за В. Ю. Франчук связывают с дословным цитированием в летописи княжеских посланий. В составе прямой речи сверхсложная форма представлена и в переводных памятниках (о семантике этих двух примеров см. [Петрухин 2013: 81–82]):

- (2) Филипь же рече: во истинуоу добромыслень еси друогъ, и **таиль са еси бы(л)** [ἐλάυνθανε, имперфект], но оуже пращаю та, а храни друожбоу ѿселъ со мною (Пчела, перевод XII в., список XV в., цит. по [Пчела, I: 623]);
- (3) Абие имже образомъ **быль вшелъ** [ἀνῆλθου, аорист], тѣм же и снидохъ (Житие Андрея Юродивого, л. 23 об., цит. по [Молдован 2000])⁵.

Она же выступает и в актах, оформленных как послание к князю, например в трех договорах Новгорода с Ярославом Ярославичем (1264, 1266, 1270), где с вариантами повторяется формула:

- (4) А что твои братъ **отгяль былъ** поже у Новагорода, а того ти, княже, отступити ся (цит. по грамоте 1264 г. [ГВНП, № 1]).

За единственным исключением (грамота № 510, пример (6)) именно сверхсложная форма плюсквамперфекта представлена и в берестяных грамотах⁶.

М. Н. Шевелевой пример из Лавр. *а всѣхъ невѣрны(х) оубициъ числомъ 20, иже са были снали на вканыни свѣтъ того дни оу Петра оу Кучкова* как подозрительный и с точки зрения резульативной семантики.

⁵ В Житии Андрея Юродивого есть еще одна неправильная форма из двух аористов, представляющая собой, с точки зрения А. В. Сахаровой [2015: 199], результат гиперкорректного пересчета сверхсложной формы в книжную (*древа же суцаго тамо лѣпота исполнилася бѣаше вонд дивны, какоже оуже быхъ забы(х)*) [ἐπιλαθέσθαι, аористный инфинитив] и *ч(ѣ)таи она и честына мѣста, каже прѣже походихъ*). Думаем, не исключено также, что простая описка — повтор отрезка *быхъ* — произошла в редкой, совпадающей с условным наклоением плюсквамперфектной форме *быхъ забыль* (о ней см. [Крысько 2011: 830–831; Сичинава 2013: 176 и след.]). Как бы то ни было, эта форма тоже встретилась в прямой речи и тоже имеет, как отмечает А. В. Сахарова, антирезульативное значение ('забыл было, а потом вспомнил').

⁶ По данным В. И. Чернова [1961: 51–52], книжный плюсквамперфект встречается в первом и втором лице (что бывает очень редко) в основном в самый ранний период (до XII в. включительно), в XIII в. таких примеров только 3 (причем 2 из них — в формуле летописца *възвратимся въспать, о них же почали бахом*). Согласно В. И. Чернову, это связано с уходом книжной формы из живого языка. Пока не совсем ясно, как объяснить такой статистический эффект (по гипотезе Г. А. Хабургаева, имперфект, а значит и плюсквамперфект с ним во вспомогательном глаголе, отсутствовал у восточных славян изначально); с нашей точки зрения, он скорее связан с кристаллизацией противопоставления «речевых времен» и «времен расказа» (по Э. Бенвенисту) в книжной норме.

2. Анализ А. А. Зализняка в «Древненовгородском диалекте»

В первом издании «Древненовгородского диалекта» [Зализняк 1995: 157–158] предложен сжатый, но содержательный анализ, учитывающий материал берестяных грамот, где представлен плюсквамперфект. Все эти грамоты, на тот момент уже найденные, упоминаются и цитируются в тексте соответствующего параграфа, за исключением индивидуально не разбираемой в обоих изданиях «Древненовгородского диалекта» грамоты № 4, о которой специально см. [Сичинава 2017] и ниже, раздел 3. В [Зализняк 2004: 175–177] текст этого параграфа изменился мало (некоторые различия мы указываем ниже): прежде всего он дополнен ссылками на опубликованные в том же году наблюдения П. В. Петрухина [2004] над функционированием перфекта в плюсквамперфектном значении в летописании, а также А. А. Гиппиуса [2004] о перформативном употреблении книжного плюсквамперфекта в грамоте № 510. А. А. Зализняк рассматривает семантику плюсквамперфекта на бересте, отталкиваясь от классического таксисного значения соответствующих форм в книжных памятниках и подчеркивая различия между регистрами:

В нормальном случае⁷ плюсквамперфект употребляется в берестяных грамотах в иной функции, которая прослеживается также и в некоторых других текстах не книжного характера. Она состоит в обозначении события в прошлом как такового, без подчеркивания его связи с настоящим. Речь может идти, в частности, о событии, которое произошло вчера (а не сегодня), в прошлом году (а не в нынешнем), давно (а не только что) и т. п. Семантический элемент предшествования другому событию в прошлом при этом отсутствует. Как правило, это те ситуации, где в книжном языке был бы употреблен аорист... Наиболее наглядны здесь те фразы, где плюсквамперфект непосредственно противопоставлен формам, отражающим момент речи, т. е. в тексте вообще не упоминается никаких других событий в прошлом [Зализняк 2004: 176].

Констатируется, что значение предшествования в прошедшем отсутствует в грамотах № 705, 502, 675 (именно эти грамоты я рассматриваю в качестве «новых сюжетов» в настоящей статье, см. разделы 4.1–4.3).

Особо А. А. Зализняк выделяет маркирование первого главного предложения рассказа: «Далее могут описываться какие-то другие события... но первая фраза уже относит повествование к сфере не связанного непосредственно с настоящим моментом прошлого» [Там же]. Это типологически хорошо известная в языках мира функция плюсквамперфекта и связанных с ним форм, которую можно назвать «сдвиг начальной точки» [Сичинава 2008; 2013]; в русском языке ее следом, скорее всего, является

---

⁷ В первом издании [Зализняк 1995: 157] даже сильнее: «Во всех прочих случаях» (т. е. кроме № 366, где усматривается таксисная функция); смягчение связано с тем, что пример из № 510 во втором издании признан перформативным.

сказочная формула *жили-были* [Чернов 1961: 227–232; Петрухин 2007], хотя для нее возможны и другие объяснения (при том что разные версии не являются взаимоисключающими)⁸. В книжном нарративе в схожей дискурсивной функции начала нового эпизода *resp.* введения новых персонажей может выступать и книжный плюсквамперфект [Петрухин 2008: 231–233], и обычный перфект [Klenin 1993; Петрухин 2004], что также имеет типологические параллели.

Ярким примером такого употребления плюсквамперфекта является знаменитая грамота № 724 — письмо новгородского сборщика дани к своему отряду:

- (5) **Савы** покланане къ братъи и дрѣжине. **Оставили** ма **были** людье, да остатъ дани исправити было имъ досени, а по первомѣ пѣти послати и отъбыти проче. И заславъ, Захарья въ в[ѣ]ре ѡрокль <...> [далее следует цепочка перфектов] (№ 724, усл. 1160–1180)⁹.

‘От Саввы поклон братьям и дружине. Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать досени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав [человека, через него] клятвенно заявил <...>’.

Детали ситуации, отразившейся в грамоте, как и датировка ее, в последнее время стали предметом оживленной дискуссии. Хронологически пока что последнее звено этого спора — большая статья [Петрухин 2019], в которой предложен и обзор предшествующих трактовок этой грамоты. Специально отметим, что классическая интерпретация плюсквамперфекта в грамоте № 724, предложенная в [Зализняк 1995], на протяжении всей дискуссии не подвергалась сомнению; ни в одной из реконструкций сюжета грамоты — при всех расхождениях в деталях между ними — «оставившие» Савву в начале текста «люди» далее уже никак не проявляли себя (что позволяло бы усмотреть здесь, скажем, отмененный результат). А. А. Зализняк предполагает, что такое же употребление может быть представлено и во фрагментированных грамотах № 195 и 300 (о них см. ниже, раздел 4.4).

⁸ Интересно, что, хотя в первом издании «Древненогородского диалекта» [Там же: 158] эта параллель проводится прямо: «Такое построение вполне сходно с фольклорным зачином *жили-были* <...>, отражающим прежний плюсквамперфект», во втором издании данная фраза снята; очевидно, А. А. Зализняк учел высказанную еще в 1979 г. теорию О. Б. Ткаченко (о которой напомнил Д. Вайс [2003]) о происхождении этой формулы от сериализованной конструкции под финно-угорским влиянием.

⁹ Здесь и далее перевод берестяных грамот (кроме № 4, которая в «Древненогородском диалекте» не разбирается индивидуально) дается по [Зализняк 2004]; пунктуация в тексте грамот наша.

Далее в «Древненовгородском диалекте» намечена идея «противопоставления» аористического и перфектного, т. е. неактуального и актуального значений; для первого в берестяных грамотах выступает плюсквамперфект. В этой связи А. А. Зализняк упоминает примеры из грамоты Василия Темного 1455–1462 гг. и берестяной грамоты № 213, предвосхищая анализ этих же текстов в [Петрухин 2013] (подробнее см. раздел 3).

В качестве параллели к показаниям берестяных грамот привлекаются также материалы книжных памятников и, в частности, книжных форм плюсквамперфекта, где А. А. Зализняк усматривает влияние «народных употреблений», например:

Еще одна разновидность «народного» употребления плюсквамперфекта — значение «прерванного действия»; ср., например, *и самъ блше пошелъ, но вороти и Аркадь епѣ новгородьскии* (Ипат. [1159], л. 177 об.). Отсюда современная конструкция типа *он было пошел, да раздумал*. В берестяных грамотах примеров такого типа пока не встретилось — скорее всего, лишь из-за ограниченности материала.

Отметим, что теперь значение «прерванного действия» можно усматривать как раз в новонайденной надписи об азбуке Стыряты из Городища (см. пример (1)), а также, вероятно, в грамоте № 300, о которой см. 4.4.

Кроме того, как уже сказано, с опорой на работу [Гиппиус 2004] во втором издании «Древненовгородского диалекта» особо упомянута единственная встретившаяся на бересте книжная форма (с имперфектом вспомогательного глагола, в терминологии А. А. Зализняка «плюсквамперфект II»). Она выступает в начале официального документа вместо стандартного для такой позиции перформативного аориста. По-видимому, это просто замена одной книжной формы, отсутствующей в живой речи, на другую:

- (6) **Сь сталь бышь** Коузма на Здылоу и на Домажировица. Торговала еста съломь бѣз мнь, а а за то съло пороуцнь <...> (№ 510, усл. ←1220–1240)
 ‘Вот обвинил Кузьма Сдылу и Домажировича (= настоящим Кузьма обвиняет Сдылу и Домажировича). Вы (двое) торговали селом без меня, а я за то село поручитель <...>’.

Добавим: несмотря на то, что конец этой довольно длинной грамоты не сохранился, версия, согласно которой плюсквамперфект передает аннулированный результат и, таким образом, дело закрыто, менее вероятна. Далее в тексте идет развернутая прямая речь Кузьмы-обвинителя и, главное, императивы, указывающие на необходимость дальнейших действий по делу: ‘Как вы (двое) торговали, так и [возместите] мой ущерб, а иначе пошлите...’ Это не единственная грамота с плюсквамперфектом, где речь идет об официальных юридических действиях; в дальнейшем мы столкнемся еще с несколькими такими сюжетами.

3. Дополнения в работах 2006–2019 гг.

Ряд дополнений к анализу А. А. Зализняка предложен в работе [Петрухин, Сичинава 2006], которая посвящена новой восточнославянской «сверхсложной» форме типа *ходиль есмь былъ* в типологическом и ареальном освещении.

У **книжной формы** плюсквамперфекта (с имперфектом вспомогательного глагола) значение «предшествования» или прежде всего «перфекта в прошедшем» является стандартным наряду с другими функциями (подробнее см. специально посвященную этой форме работу [Петрухин 2008], а также более краткий обзор в [Сичинава 2013: 187–189]). Результативное значение, очевидно, было исходным, диахронически процент таких употреблений в памятниках понижается (ср. статистику в [Чернов 1961: 76–77]).

Именно эту семантику и отражают последние эпиграфические находки с книжным плюсквамперфектом. Ср. надпись 1093 г. в Софии Киевской (№ 4) о смерти киевского князя Всеволода Ярославича, в которой плюсквамперфект со вспомогательным *бѣ* был впервые реконструирован А. А. Зализняком [2004а: 258–262]¹⁰:

- (7) Въ {въ} великыи четв[ъ]ргъ рака положена бысть. [О]т[о] Андреа, роусьскыи кьназь благыи. А Дьмитрь ѿль, отрочьк[ъ] его, мѣца априла въ 13. А **б[ѣ]** се(редѣ **оу**)**[м]ърль** п(о) об[ѣ](дѣ).
‘⟨...⟩ а умер в среду после обеда [до того, как прошли похороны и Дмитр оставил эту надпись]’.

Значения этого же типа трижды представлены в городищенской надписи 1138 г. № 1 о смерти Всеволода Мстиславича [Гиппиус, Михеев 2019: 36–40], все три раза с вспомогательным *баше*:

- (8) и **год[и](ло)** **[с]а баше** ему бы[т]и Пльско[вѣ] ть(гда), т(о)[у же] (и) [пр]ѣ[ста](ви) са
‘И случилось ему тогда быть во Пскове, там он и преставился’;
(9) и погреб[б](оша) и въ сѣ[ѣ]и Т(рои)це, юже **баше** самъ **сздадь**
‘и похоронили его в святой Троице, которую он сам построил’;
(10) и **вныло б[а]ше** срдце их[ъ] ту[г](о)ю [п]о (с)воемь к(н)аз[и]
‘и сердце их было в унынии от кручины по своему князю’.

Пример (10) передает результирующее состояние в прошедшем (ср. русский перевод, а также современное прилагательное *унылый*).

Примечательно, что книжный плюсквамперфект представлен в эпиграфике в составе записей о смерти князей — очевидно, под влиянием требуемого в таких торжественных текстах книжного стиля. Действительно,

¹⁰ Реконструкция А. А. Зализняка принята и в [Корнієнко 2011: 101–103], где дан, в частности, использующий украинский плюсквамперфект перевод ‘а *був середою помер по обіді*’.

пример (9) отражает стандартный для летописей контекст, где выступает плюсквамперфект, — погребение князя в построенной им церкви. При этом, однако, автор надписи не следует летописному клише, требовавшему, чтобы в таких сообщениях выступал более редкий вариант вспомогательного глагола *бѣ* [Чернов 1961: 221; Петрухин 2008: 216]¹¹. Именно вариант *юже бѣ самъ создалъ* используется в известиях о похоронах Всеволода Мстиславича, которые читаются в летописях, восходящих к Киевскому своду 1198 г. (эти известия процитированы в историческом комментарии к благовещенскому граффито [Гиппиус, Михеев 2019: 39]).

В центре концепции, предложенной в работе [Петрухин, Сичинава 2006] и опирающейся на типологические данные и семантику современной формы с *было*, — представление о том, что значения «предшествования в прошедшем» или «перфекта в прошедшем» для **сверхсложной формы**, в отличие от книжной, как раз не характерны. Она не употребляется также в таких функциях, свойственных книжному плюсквамперфекту, как экспериенциальная, введение нового эпизода или стативное описание природы (типа *болота блху подступили*), см. сравнительную таблицу в [Петрухин, Сичинава 2008: 247]. Для нее предпочтительны интерпретации, связанные с неактуальностью ситуации, в частности нарушением нормального хода ситуации или аннулированным результатом. Последний круг значений может встречаться и у книжного плюсквамперфекта — в том числе и как результат «пересчета» употреблений свойственной живой речи сверхсложной формы (ср. [Хабургаев 1978: 51; Петрухин 2004: 93–96; Петрухин, Сичинава 2008: 246–247]). Данная концепция стала предметом завершившейся в 2015 г. полемики между мной и П. В. Петрухиным, с одной стороны, и М. Н. Шевелевой — с другой (ср. итоговую реплику [Шевелева 2015]); в ходе этой полемики было исследовано много важного материала (как собственно древнерусского, так и восточнославянского XV–XVII вв.) и уточнено много формулировок. Заметим, что подробности полемики к теме настоящей статьи прямого отношения не имеют: М. Н. Шевелева изначально была вполне согласна с тезисом оппонентов применительно к новгородско-псковским памятникам, а разногласия касались в основном исходного значения этой формы, южных и северо-восточных текстов и ее интерпретации в современных говорах; соответственно, в данном цикле работ берестяные грамоты практически не упоминаются.

Сверхсложная форма известна в русской письменности, скорее всего, уже с XI в., причем значение аннулированного результата/неактуального

---

¹¹ П. В. Петрухин отмечает [Петрухин 2008], что вспомогательное *бѣ*, кроме того, несколько чаще встречается в Ипат. при описании церковных событий. Интересно, что в некрологическом граффито Софии Киевской светский автор, дружинник Дмитр, выбрал форму *бѣ*, а в городищенской надписи о Всеволоде, автором которой был практически наверное кто-то из клириков этой церкви, наоборот, трижды используется более «мирской» синоним *блше*, в том числе даже на месте летописного клише.

прошедшего также отмечено в самых ранних примерах¹². Ср. контекст из ПВЛ по Лавр. (л. 65 об.) под 1074 г.: *се оуже прелстил ма еси былъ, дьяволе* (подробнее об этом месте см. [Петрухин, Сичинава 2006: 201]), пример из Русской правды (см. ниже, (14)), а также пассаж из так называемого Предисловия к Софийскому временнику, для архетипа которого, датирующегося XI в., она реконструируется; цит. по реконструированному тексту [Гиппиус 2010: 184–185]:

- (11) Они бо не складаху на своя жены златыхъ обручей, но хожяху жены их в серебряныхъ; и **росплодили были** землю Руськую. За наше несытоство навель Богъ на ны поганья, а и скоты наши и села наша и имѣния за тѣми суть, а мы своихъ злыхъ дѣлъ не останемъ.

Значение аннулированного результата особенно хорошо видно из отмеченной А. А. Гиппиусом параллели из рассказа о мести Ольги древлянам, где те же слова использованы (в ином контексте) без идеи последующей деградации и, соответственно, уже без *были*:

- (12) А наши князи добри суть, **расплодили** землю нашу (НПЛ по Комис., 945, л. 32 об.).

В рамках этой концепции как антирезультативный в работе [Петрухин, Сичинава 2006: 203] переинтерпретируется и следующий пример из берестяной грамоты № 366, представляющей собой итог разбирательства по «бессудной грамоте». А. А. Зализняк [1995: 157; 2004: 175] видел в нем таксисное значение (предшествование в прошедшем, а именно по отношению к ситуации, выраженной аористом).

- (13) Съ урадѣса Аковъ съ Гюрьгъмо и съ Харѣтономъ по бьсудной грамотѣ, цто **быль возаль** Гюрьгъ грамоту в ызьѣжьной пьшьнѣцѣ, а Харѣтоно во проторѣхо своѣхъ <...> а боль нь надобѣ Гюрьгю нѣ Харѣтону до Акова, нѣ Акову до Гюрьга нѣ до Харитона <...> (№ 366, усл. ←1360–1380)

¹² Один из самых ранних дошедших до нас в подлиннике примеров сверхсложной формы, возможно, даже старше первых берестяных грамот — во фрагменте записи писца Завида, находящемся внизу вставного листа 178об. Архангельского евангелия. Идентификация этой формы предложена в работе [Гиппиус, Михеев 2020: 136]; там же ссылки на предшествующую литературу и на предлагавшиеся датировки вставного листа, не исключающие конца XI в. — само евангелие датируется 1092 г. — и всего XII в. Приписка гласит: *Завидъ нѣаль б[ыл]ѣ а[к]...* и сопровождает выполненную, видимо, самим же Завидом заставку; кроме того, руке Завида в указанной работе атрибутируется и расположенный на том же листе и смытый еще в древности текст (отметим, что запись может относиться именно к нему). По столь малому фрагменту сложно судить о семантике и прагматике формы, однако запись Завида можно гипотетически сопоставить с городищенской надписью об азбуке Стыряты (см. выше, пример (1)).

‘Вот расчелся Яков с Гюргиём и с Харитоном по бессудной грамоте, которую Гюргий взял [в суде] по поводу вытопанной при езде пшеницы, а Харитон по поводу своих убытков. <...> А больше нет дела Гюргию и Харитону до Якова, ни Якову до Гюргия и Харитона <...>’.

После договора по «бессудной грамоте» стороны отказываются от взаимных претензий по поводу помятой пшеницы Гюргия и «проторей» Харитона, и действие выданных раньше документов по поводу причиненного ущерба тем самым прекращается.

Среди контекстов со сверхсложным восточнославянским плюсквамперфектом вообще много юридических и судебных¹³; по-видимому, хронологически первым из них является пример из Русской правды (архетип второй половины XI или начала XII века) по списку Новгородской кормчей конца XIII в., где при помощи этой формы эксплицитно вводится отмена старой нормы и установление новеллы:

- (14) Аче кдѣ налѣзѣтъ оудареный тѣ своего истъча, кто же ѿго оударилъ, то Юрославъ **быль оуставилъ** и оубити; нѣ снѣве ѿго оуста-виша по вѣци на коуны, любо и бити розвазавше, или взяти грѣна кунъ за соромъ (л. 624–624 об.).

Судебная бюрократическая документация возникает, как известно, на Руси достаточно поздно. Систематически подобные тексты начинают фиксироваться на пергамене, а затем и бумаге только с конца XIV в., т. е. уже в самый поздний период берестяной письменности как таковой [Гимон 2016: 18], и именно концом XIV и особенно первой половиной XV в. датируются почти все судебные документы на бересте [Там же: 22–23]. Возможным исключением Т. В. Гимон признает «две грамоты XIII в., для которых

¹³ Специально отметим, что результативные «датирующие» формулы в нескольких смоленских документах — в различных списках грамоты 1229 г. или в судебной грамоте о немецком колоколе 1284 г. типа *Коли са грамота псана, ишил(о) был(о) в Ржѣтва Гна до сего лѣта 1000 лѣм и 200 лѣм и 8 лѣм и 20*, как отметил П. В. Петрухин [2012: 482], — не имеют отношения к семантике древнерусской формы, будучи явными грамматическими кальками с немецкого оригинала, что видно, между прочим, и по другим деталям (ср. *8 лѣм и 20* = achtund-zwanzig). В смоленской грамоте о колоколе 1284 г., представляющей древнейшую пергаменную запись судебного решения [Гимон 2016: 27], в *soqboratio* в составе списка немецких истцов есть и еще один претендент на сверхсложную форму: *а отъ немецъ были на суде искали колокола Янь, Альбратъ изъ Брюньжвика, Генъци, Яганъ, Вареньдоръпръ*. Если это действительно древнерусская сверхсложная форма, теоретически ее выбор может объясняться тем, что в деле поставлена точка, и претензии истцов удовлетворены, но никакой уверенности в этом нет; помимо несомненно наличествующего в других точках текста немецкого влияния, вполне возможно, что *были* и *искали* — два сказуемых (см. выше там же список княжеских бояр: *А ту были на суде со мною бояре мои...*).

связь с судом — лишь одна из возможных интерпретаций» [Там же: 23]. И речь идет именно о грамотах № 510 и 213, в которых встретился, пусть и в разных функциях, плюсквамперфект. Здесь же рассматривается и только что упомянутая более поздняя грамота № 366 [Там же: 41–42].

Значение «аннулированного результата» обычно для сверхсложной формы деловых грамот Великого княжества Литовского и Московской Руси XV–XVI вв. [Горшкова, Хабургаев 1981: 338–339; Петрухин 2013: 91], причем иногда с перформативным оттенком (в принципе возможна ситуация, при которой в тексте вообще ничего больше не указывает, что сделка/ претензия неактуальна; примером служит анализируемая П. В. Петрухиным пространная грамота Софьи Витовтовны 1451 г. [Петрухин 2013: 84–85]). Схожий анализ допускает и прямая речь князей — «княжеские послания» в составе летописей, в частности при помощи сверхсложной формы недействительным часто объявляется крестоцелование [Там же: 89–90].

Если в других типах текстов (например, в летописном нарративе) действие, обозначенное (сверхсложным прошедшим), его «отмена» и наступление новой ситуации обычно развертываются в хронологической последовательности, то в данном случае упомянутое действие отменяется самим этим письменным актом. Иными словами, здесь сверхсложная форма не отсылает к информации об отмене действия в последующем тексте и не просто сообщает о том, что действие отменено, а непосредственно отменяет его: в этом смысле слова *велельь былъ* и *не велельь* практически означают одно и то же [Там же: 84].

Именно сюда П. В. Петрухин [Там же: 91] относит еще один «судебный» пример из берестяной грамоты (развивая мысль о противопоставлении в этом тексте актуального и неактуального планов, вскользь уже высказанную в [Зализняк 1995: 158]):

(15) Про Местаткѣ память на Радослава, како **ѡказало было** на Местатке 7 гривено про женьню татѣѣ, бѣди с то сѣднеѣ кѣне, а само пощипало в ѡномо сѣде за то четвртои жеребеи (№ 213, усл. 1240–1260→)

‘Память на Радослава (т. е. памятная записка о его обязательствах) по поводу Местятки — о том, что он (Радослав) завещал (не указано, кому) получить с Местятки 7 гривен за кражу у жены (очевидно, Радослава), если станут в такую сумму судные деньги, а сам он получил в другом суде [свою] четвертую часть’.

Это очень темный текст с разными толкованиями стоящей за ним юридической ситуации (изложение предлагавшихся версий см. в [Гимон 2016: 33–36]), однако здесь налицо нарушение стандартного хода событий: Радослав уже получил свою долю за то же самое «в другом суде» (ср. эксплицитное противопоставление *а сам(ъ)...*), поэтому, вероятно, его распоряжение взыскать деньги с Местятки аннулируется. Кроме того, в статье

[Петрухин 2013] разбирается и берестяная грамота № 705, к анализу которой я в настоящей работе добавляю некоторые собственные соображения и параллели (см. о ней ниже, раздел 4.1).

В статье [Сичинава 2017] впервые разобрана не прокомментированная в «Древненовгородском диалекте» форма из берестяной грамоты № 4, также связанной с официальным обвинением (нарушением условий поручительства и санкциями против поручителя):

- (16) Цто ксьмь (...)руциль оу Петра на Городищѣ, н(ынѣ ма) **Юрги быль выдалъ**: со двора н(ы ...) не увѣдалъса, а мене выдалъ <...> (№ 4, усл. 1320–1340→)
'Что касается того, что я (за Юрия) поручился у Петра на Городище, н(ыне меня) Юрий подвел: с дворянами... не расплатился, а меня подвел <...>'.
'

Однако здесь функция плюсквамперфекта, с моей точки зрения, уже другая, с аннулированным результатом не связанная. В первой же независимой клаузе рассказа (относительно первого придаточного предложения наши сведения недостаточны) употреблен плюсквамперфект, сигнализирующий начало (микро)нарратива, причем кратко резюмирующий его: как и в начале грамоты № 724, говорящий попал в сложную ситуацию (не исключено, что он уже арестован, так как далее упоминается «железное» — пошлина судебному исполнителю, который заковывает несостоятельного поручителя в оковы). Следующая независимая клауза эксплицирует предыдущее утверждение — каким именно образом Юрий «выдал» Микиту, — подробнее описывая ту же ситуацию при помощи того же глагола, но уже в перфекте. В дальнейшей фрагментарно сохранившейся части грамоты речь идет о том, каким образом адресату грамоты (Черту) вызволять Микиту, собирать деньги для внесения штрафа за него и приводить в порядок его домашние дела. Похожее дублирование «озаглавливающего» плюсквамперфекта тем же самым глаголом в обычной нарративной форме имеется в летописи — здесь мы имеем дело уже с книжными формами (плюсквамперфектом с *бѣ* и аористом соответственно):

- (17) В то же верема **пришелъ бѣ** Гюргевиць старѣишии Ростиславъ, роскоторавъса съ ѿцѣмъ своимъ, вже емоу вѣць волости не да в Соуждалискои земли, и **приде** къ Изаславо(у) Киевоу (КЛ по Ипат., 1148, л. 134).

Как указал нам анонимный рецензент, не исключено, что с таким же дублированием (в составе прямой речи с книжными формами) мы имеем дело и в примере (24), хотя он допускает и семантизацию выбора глагольной формы (см. подробнее ниже).

В работе [Сичинава 2018] рассматривается также материал берестяных грамот с точки зрения порядка подлежащего и сказуемого в предложениях с плюсквамперфектом. В современных русских конструкциях с частицей

было, которые происходят от сверхсложного плюсквамперфекта, порядок VS является маркированным и связан среди прочего с введением в рассмотрение новой ситуации, а порядок SV статистически значимо преобладает (поскольку частица *было* является, в частности, показателем глагольного фокуса). Оказывается, что есть основания считать данный механизм древним, поскольку порядок VS налицо и в берестяной грамоте № 724 со «сдвигом начальной точки» (*оставили мя были людье*), и в вводящих новый эпизод примерах книжной формы из летописи типа (17), не говоря о фольклорных формулах с *жили-были*. В то же время для грамоты № 300 (см. ниже, раздел 4.4) и уже упомянутой грамоты № 4, где также теоретически можно предполагать «озаглавливающую» функцию плюсквамперфекта (в обоих случаях это первое предложение текста, хотя дальнейший текст фрагментирован), выбран порядок SV, поскольку подлежащее в обоих случаях уже введено в рассмотрение. *Терохъ* фигурирует в адресной формуле № 300, в то время как имя субъекта поручительства — *Юрги* реконструируется на месте лакуны в составе зависимой клаузы грамоты № 4 с большой вероятностью.

Сверхсложную форму восточнославянского плюсквамперфекта с точки зрения порядка слов, а именно энклитического статуса элемента *был-*, недавно изучал А. В. Циммерлинг [2019] (анализируется порядок *далъ есмь былъ* vs. *далъ былъ есмь*; второй является более поздним и утверждается в ряде региональных и жанровых норм с XV–XVI вв.), но, как отмечает автор, берестяные грамоты не дают для истории этого вопроса достаточного материала: сочетание двух вспомогательных глаголов представлено только в грамоте № 195 (начало XIV в.), где оно отвечает старой норме: *реклъ еси былъ*¹⁴.

4. «Новые» сюжеты

К этой картине можно добавить несколько новых сюжетов. Плюсквамперфект, по словам П. В. Петрухина, — «дискурсивная категория *par excellence*. Отсюда для его анализа, как правило, требуется привлечение широкого контекста» [Петрухин 2008: 214]. В нашей совместной статье отмечено, что, несмотря на наличие на бересте девяти сверхсложных форм, «к сожалению, значение некоторых из них остается неясным ввиду отсутствия контекста» [Петрухин, Сичинава 2008: 240].

Попытаемся заполнить эту лакуну, разобрав оставшуюся половину (5 из 10) берестяных грамот, в которых представлен плюсквамперфект.

¹⁴ Как отмечено в [Сичинава 2017], теоретически можно реконструировать еще одно *былъ* в первой лакуне датируемой тем же веком грамоты № 4 (см. выше), что тоже отвечало бы старому порядку рангов; однако это, конечно, как минимум не обязательно.

Речь пойдет о двух полностью сохранившихся документах, где детали излагаемой ситуации действительно не вполне ясны (что обычно для берестяных грамот) из-за лаконизма формулировок и большого объема подразумеваемой информации, а также о трех фрагментах писем. Я полагаю, что употребление плюсквамперфекта в этих пяти случаях связано с антирезультативными функциями, а именно нарушением нормального хода ситуации, ее «сценария по умолчанию» (о таком значении применительно к современному русскому *было* см. [Varentsen 1986; Князев 2004; Kagan 2011] и др.). В контексте истории ранней семантики русской формы важно, что из этих пяти грамот три (обе целые и самый большой фрагмент) относятся к числу самых ранних (XII — начало XIII в.; см. список в начале статьи). В то же время самая поздняя грамота, содержащая плюсквамперфект (№ 300), интересна с точки зрения дальнейшей экспансии этой формы в сторону более широкой сочетаемости с несовершенным видом.

Как уже сказано выше, в качестве параллелей к разбираемым пяти грамотам будут приведены контексты не просто со сверхсложной формой, а с теми же (или однокоренными, или по крайней мере синонимичными) глаголами.

4.1. «Слышу больну сестру»: нарушение планов

Письмо от Домажира к Якову (грамота № 705) уже толковалось как пример перформативного антирезультативного употребления сверхсложной формы [Петрухин 2013: 91]. Тем не менее уместно, на мой взгляд, вернуться к этому тексту и уточнить некоторые детали.

Подробности конфликта между автором и адресатом не совсем ясны, но, очевидно, они связаны с изменившимся отношением адресата к его жене, сестре Домажира; автор предлагает Якову принять определенные меры (если сестра жива, прислать ее, а если она умрет, то ее сына и загадочную «знатьбу» — по-видимому, документ) под угрозой «предать его святой Богородице».

- (18) + Покланание ѿ Домажира ко Якову. А оу тебе слышоу, цето ты моловише. Оце е тебе н[е] годена, а попроводи ко мене сестроу. Азь **быле** лони **наделиле**, а ныне быхо посолале. А ныне слышоу боленоу сестроу: оце ю Бѣ поемете, а присоли с(ы)но ко мене со ее знатебою <...> (№ 705, усл. 1200–1220→)
 ‘Поклон от Домажира Якову. Я слышу, что ты говоришь (т. е. мне прочтено твое послание). Если она тебе не угодна, то отошли сестру ко мне. Я в прошлом году [ее] наделил (т. е. выделил ей в надел какое-то имущество), а теперь я бы [ее наделок] послал. А теперь я слышу (= ты мне сообщил), что сестра больна. Если ее Бог приберет, то пришли сына ко мне с ее “знатьбой” <...>’.

Фраза *Азь быле лони наделиле, а ныне быхо посолале* не относится к самым прозрачным в этом и без того трудном тексте прежде всего из-за эл-

липсиса всех дополнений (не сообщается ни кого и чем автор «наделил», ни кому и что именно он «послал бы»; несомненно, Якову всё это было и так понятно). По-видимому, плюсквамперфект здесь можно интерпретировать следующим образом. Домажир в прошлом году принял решение о выделении сестре того или иного имущественного или денежного надела и собирался ей сейчас какую-то часть этих средств послать. Однако действия Якова, адресата письма, и болезнь сестры нарушили его планы. По П. В. Петрухину, Домажир «отменяет принятое ранее решение об отправке Якову приданого сестры». Иными словами, сестра вышла замуж год назад, но ее приданое (причитающееся Якову) почему-то надолго задержалось, а тем временем у молодых уже родился сын, которого Домажир предлагает, в случае смерти сестры, прислать к нему, *оте побоуде сыно у мене, а ѿ са имо потешоу*. Едва ли, впрочем, речь идет о том, чтобы отправить с документом осиротевшего грудного младенца. Даже если допустить, что имеется в виду сын сестры Домажира от первого брака, по-видимому, ближе к истине версия А. А. Зализняка [2004: 422; см. перевод выше], где говорится не о сестрином приданом Якову, а об имущественном наделе Домажира для самой сестры, обоснованность которого не ставится под сомнение и не зависит от ситуации (скорее наоборот, в случае ее болезни и предстоящего разрыва с мужем его важность возрастает). Другое дело, что Домажир готов отменить подготовленную отправку ценностей, если сестра умрет (тогда наследником надела станет ее сын, который в этом случае должен приехать к дяде — причем, возможно, вместе с завещанием или иным имущественным документом матери, подтверждающим его права на надел) или же живая вернется от Якова к брату.

Тогда в комментарии нуждается выбор глагольных форм: глагол *надѣлити* стоит в сверхсложной форме, а глагол *послати* — в ирреальном сослагательном наклонении. По-видимому, это ситуация нарушения более широкой, чем само выражаемое глаголом действие, «макроситуации» (в терминологии Ю. П. Князева [2004]), т. е. семантика, хорошо известная у современного русского *было* и у плюсквамперфекта в других славянских языках (ср. [Сичинава 2019: 42]). Ситуация может быть задумана, но не осуществиться; начаться, но прекратиться в ранней фазе; или же, наконец, материальный результат может быть достигнут, однако ожидаемые «инерционные» последствия («возможные миры») не имеют места в действительности [Каган 2011]. В любом случае «прерывание ее [ситуации] естественного развития, по всей видимости, всегда включено в линию повествования в качестве очередного этапа в последовательности описываемых событий» [Князев 2004: 301–302].

В берестяной грамоте № 705 решение о наделе не отменено, но запланированный сценарий его передачи может быть с высокой долей вероятности нарушен (например, из числа его прямых или косвенных бенефициаров будет изъят Яков). В данной работе я выделяю «нарушение нормального

хода ситуации» в особую группу значений древнерусской сверхсложной формы¹⁵.

Интересная параллель к употреблению плюсквамперфекта в берестяной грамоте № 705 находится в полоцкой грамоте 1440–1450-х гг. [ПГ, № 111]. Наместник полоцкого воеводы Омелян обращается к властям Риги с просьбой вернуть некоего Зубца, принявшего в Риге католичество беглого слугу воеводы Андрея Саковича, а также присвоенные Зубцом два рубля, и угрожает рубезом, т. е. конфискацией за его вину (на соответствующую сумму) товара у рижского купца. Финальная фраза его письма:

(19) Нѣ хтошлѣтъ ли моихъ дву рублѣвъ, и ѡ здѣ вашего доброго рижанина порублу оу тыхъ дву рублѣхъ, занужь тие два рубли ѡ **быль** на конь **послалъ**.

(Интересно, что это предложение из полоцкой грамоты уже привлекалось как параллель при исследовании берестяной письменности — именно близкое сходство фразы помогло разгадать А. А. Зализняку загадку глагола *выроути* в берестяной грамоте № 246 XI в. [Зализняк 1986: 171], кстати, тоже, возможно, посланной из Полоцка: *а не присълещи ми полоу пматы гривьны, а хоцоу ти выроути въ та лоуцьшаго новъгорожанина*.)

Пояснение *занужь тие два рубли ѡ былъ на конь послалъ*, как отмечают издатели, приписано в конце грамоты тем же почерком, но другим пером и, вероятно, позже. Это важная деталь, показывающая, что выбор глагольного времени в этой клаузе диктовался не просто последовательностью времен и не выбором прошедшего времени в основном нарративе, а несет самостоятельную значимую нагрузку, важную в контексте приписки. Наместник Омелян уже полностью («на конь») переправил два рубля Зубцу, который рассказывал воеводе после первой самовольной отлучки о своих имущественных делах в Риге (и под предлогом приведения этих дел в порядок скрылся туда повторно). Значения «отмененный материальный результат» тут заведомо нет, деньги как раз не вернулись; зато выяснился обман Зубца и его намерение остаться в Риге навсегда. Соответственно, Омелян, «наделивший» Зубца, хотя и не безвозмездно, и рассчитывавший получить с него долг по возвращении (а, может быть, и на то, что Зубец вложит этот капитал в какое-то свое дело в Риге, которое принесет доход), поменял планы и намерен срочно потребовать с него эту

¹⁵ Ср. также прагматически диктуемый выбор сверхсложной формы плюсквамперфекта с глаголом *посълати* в статье Киевской летописи, где о чистом аннулировании результата речь не идет: *изъ Витебьска стоупилъ тобѣ, и посольъ былъ свои послалъ есмь ко братоу Дѣдѣви и повѣдалъ емоу, ажъ есмь состоупилъсѣ Витебьска тобѣ. Ты же, того не дождавъ, послалъ еси снѣца своѣа ко Витебьскоу* (Киев. лет. по Ипат., 1195, л. 238 об.), специально анализируемой П. В. Петрухиным [2013: 82–83]: «хотя посол Рюрика, очевидно, благополучно добрался до Смоленска, план киевского князя провалился».

сумму¹⁶. Подобное употребление можно отнести к перформативным в смысле работы [Петрухин 2013], и вместе с тем речь идет не столько об аннулировании кредита, сколько о нарушении изначально предполагавшегося сценария.

4.2. «*Како ти былъ ѿ Ивана алъ*»:
отмена результата или нарушение правил

Грамота № 502 получила в начале XXI в. некоторую известность, когда В. Л. Янин встроил ее в сюжет, носивший почти детективный характер. Речь идет о записке, посланной владельцу усадьбы, знаменитому священнику-художнику Олисею Гречину с предписанием допросить Гавко-полочанина, который «сейчас войдет» (возможно, на судебное заседание):

- (20) *Сѣ Мирслава к Олисьеви ко Грициноу. А [т]оу [т]и вѣндьте Гавъ-ко полоцанино. Прашаи его, кодь ти на господь вѣтаеть. Ать ти видьло, како ти **было** ѿ Ивана **а**лъ, постави и пьредь людьми, како ти взмолвити (№ 502, усл. ←1180–1200)*
‘От Мир(о)слава к Олисею Гречину. Тут войдет Гавко-полочанин. Спрашивай у него, где он стоит на постое. Если он видел, как я Ивана арестовал, поставь его перед свидетелями, как он скажет’.

В версии В. Л. Янина, которую он назвал «тридцать лет спустя», этот процесс образует единую историю с письмом, найденным через три десятилетия после № 502 на том же Троицком раскопе: *Сѣ Домашеке къ Братиле. Иди вко стоа во гьродь: выправиле ти есмь сыно съ Гавошею* (№ 934), и с фрагментом № 803, где упоминаются Братила и Полоцк.

Эту версию (с большей долей осторожности) резюмирует А. А. Зализняк:

Как видно из № 803, Братила каким-то образом связан с Полоцком (...). Отсюда некоторая вероятность того, что Гавша — это не кто иной, как Гавко-полочанин из грамоты № 502, и что в № 502 и 934 отражен один и тот же драматический эпизод: посадник Мирошка (Мирослав) арестовал Братилова сына Ивана на глазах у полочанина Гавка (Гавши). Его удалось освободить лишь благодаря активным действиям Домашки и свидетельским показаниям Гавка. После этого Домашка немедленно вызвал в Новгород Братилу: видимо, тот должен был вернуть заплаченные Домашкой за его сына деньги и, может быть, произвести какие-то дополнительные юридические действия [Зализняк 2004: 410].

Таксисная трактовка для этой формы, как отмечено уже в [Зализняк 1995: 158], невозможна, поскольку ‘видел, как арестовал’ — это не предшествование, а одновременность действий. Вместе с тем выбор плюсквам-

¹⁶ В этой полоцкой грамоте есть еще два плюсквамперфекта. Оба они отражают значение аннулированного результата и относятся к первой отлучке Зубца в Ригу (*паньскии слуга Зубъць пьрво былъ збродиль* — а потом возвращался; *пань былъ ему гнѣва ѿпустиль* — а теперь опять гневается).

перфектной формы можно обосновать, если предположить, что предметом разбирательства является, по крайней мере в числе прочего, сам факт или сами обстоятельства задержания Ивана Мир(о)славом, которые так или иначе оспорены как необоснованные¹⁷, и тем самым стандартный ход ситуации нарушен. Собственно, иначе не совсем ясно, зачем нужен этот судебный сценарий и вызов в суд дополнительных лиц¹⁸ в зависимости от того, был ли Гавко свидетелем именно ареста Ивана, а не преступления, в котором того обвиняют. Незаконный арест, например, запрещался в международных договорах — Смоленска с Готландом, в новгородско-ганзейских отношениях, — а также в позднейших соглашениях Новгорода с московскими князьями. Участие в деле свидетеля-неновгородца (полочанина) может и тут указывать на что-то подобное, например на полоцкое происхождение и самого задержанного Ивана (ср. указание издателей на напряженность новгородско-полоцких отношений в последнем двадцатилетии XII в. и неоднократное заключение мирных договоров [Арциховский, Янин 1978: 98]).

Разумеется, в добавление к «нарушению нормального хода ситуации» вполне вероятен и просто «аннулированный результат», диктующий выбор плюсквамперфекта наиболее прямым образом, а именно, что Иван сейчас уже попросту физически не находится под стражей, — он сбежал или его выпустили. Действительно, в летописи имеется пример сверхсложного плюсквамперфекта в придаточном предложении (причем, что редкость, в нарративе, а не в прямой речи), образованного от приставочного глагола *приати* ‘арестовать’:

- (21) В се же лѣто посла Всеволодъ Сѣтополка в Новѣгородъ шюрина своего, смолваса с новѣгородьци, которыхъ то **быль приаль**, и покша и новгородци и сѣде и на столѣ (КЛ по Ипат., 1142, л. 114 об.) ‘В тот же год Всеволод, договорившись с новгородцами, которых он задержал, отправил в Новгород Святополка, своего шурина. И новгородцы его приняли, и воссел он на княжеский стол’.

Здесь речь идет о договоренности Всеволода Ольговича Киевского с ранее задержанными им новгородскими послами, после которой он отправил в Новгород княжить Святополка, а послов, очевидно, освободил;

¹⁷ Этому не мешают даже высказывавшиеся ранее просопографические гипотезы, например отождествление Мир(о)слава с посадником Мирошкой Нездиничем. Можно представить, что арест Ивана оспорили, например, люди князя или архиепископа, в случае внешнеполитического скандала это вероятно. Возможны и другие сценарии.

¹⁸ П. В. Лукин при обсуждении этой грамоты указал, что под «людьми», которых должен был предоставить Гавко-полочанин, могли иметься в виду не свидетели самого события, а гаранты хорошей репутации участников процесса (ср. также [Лукин 2016: 142–144]).

именно так указанная ситуация интерпретирована в Московском летописном своде XV в. (ср. подробнее об этом сюжете [Петрухин, Сичинава 2008: 238]; предложенный в данной работе новый перевод ключевого глагола принят в [СлДРЯ XI–XIV], s. v. *приати*).

Таким образом, янинская реконструкция, если по-прежнему допускать ее вероятность (вариант с признанием Ивана полочанином разрушает данную версию, поскольку Братила из грамот № 803 и 934 — новгородец [Зализняк 2004: 410]), нуждается по меньшей мере в уточнении деталей: усилия Гавка-полочанина именно для освобождения Ивана, возможно, уже не нужны, хотя если *выправить* в грамоте № 934 значит «оправдать», «юридически очистить», то выяснение обстоятельств ареста было бы не лишним.

Теоретически допустима даже версия, что в грамоте № 502 *было* — не согласованный плюсквамперфектный показатель (т. е. записанное по бытовой графике *быль*), а форма однозначного глагола *быти* в среднем роде (как это место читали еще издатели в «дозализняковскую» эпоху, когда бытовая графика систематически недооценивалась [Арциховский, Янин 1978: 97–98]). Тогда получившаяся конструкция значит «как именно я арестовывал», «как это было, что я арестовал» (ср. отмеченное в том числе на бересте новгородское «избыточное *есть*», у которого в качестве коррелята существует и избыточное *было*, ср. [Шевелева 1993; 2007], или данные современных русских говоров, о которых см. [Петрухин, Сичинава 2006: 208–210]); к контексту это подходило бы неплохо. Однако, на мой взгляд, усматривать такую конструкцию для текста конца XII в. без иных свидетельств рановато; избыточное «удостоверительное» *есть* отмечено в памятниках только с XIV в.

4.3. «Богъ межси нама послухъ былъ»: нарушение джентльменских договоренностей

Имеется ряд фрагментарных текстов, где плюсквамперфект представлен в начале грамоты, однако конец текста утрачен. Поэтому толкование ситуации может быть только гипотетическим (в частности, можно рассматривать значение «сдвиг начальной точки» в первой фразе нарратива). Тем не менее по определенным «ключам» в начальной части каждой грамоты (а также исходя из самой прагматики берестяной переписки) есть основания полагать, что нормальный ход ситуации и здесь так или иначе нарушен.

- (22) (...къ Мила)т[ѣ. Б]ратъ Милато! Киевѣ Бгъ мъжи нама послоухо
быль: фофоудъи **быль** твоихъ 9 **ръкль** а собѣ (...)
←1140–1160→
‘[От ... к Миляте]. Брат Милята! В Киеве Бог был свидетель между нами: из твоих фофудий девять выговорил я себе (...)’.

Договоренность автора с Милятой (слово «брат» не обязательно понимать как буквальное указание на родство, тем более в контексте апелляции к христианской совести) достигнута, как это бывало у купцов, «на слово»,

даже без земных свидетелей, ср. известные конструкции с упоминанием Бога как единственного гаранта: *вольно Богу и тобѣ, а то Богови и тобѣ* и т. п., подробно разбираемые А. А. Зализняком [1986: 180–181]: речь об уговоре, согласно которому девять Милятиных фюфудий должны были достаться автору. Судя по тому, что об этом пришлось напоминать, причем именно с апелляцией к незримому свидетельству Бога (ср. отмеченную в купеческих письмах XII в. формулу ‘побоявшись Бога’, № 548, 881), а далее излагается — с недоверием, как это видно уже из самого глагола *твориши*, — Милятина версия событий: [*тво*]риши при[и]шь Соуж[ь]далоу роздаавъ въ дългъ ‘ты утверждаешь, [что] придя (или: пришел) в Суздаль, раздав в долг...’, эта договоренность как-то нарушена. Ср. новгородский пример с этим глаголом и сверхсложной формой, где речь идет о нарушенном обещании и последующем отказе обманутой стороной от крестоцелования:

- (23) А княжицю Ростисла(в) поу(т) показаша с Торожкою къ оцви въ Църниговъ: «Ка(к) оцъ твои **рекль былъ** въсѣсти на коне на воиноу съ Въздвигениа и кр(с)тъ цѣловаль, а се оуже Микулинъ днѣ. Съ на(с) кр(с)тное челованиѣ, а ты поиди прочь, а мы собе кнза промыслимъ» (НПЛ по Синод., 1230, л. 112 об.).

Интересен комментарий к этому и ряду других примеров в [Чернов 1961]; несмотря на отсутствие в то время адекватного языка для описания полисемии плюсквамперфекта, автор явно почувствовал семантику «нарушения нормального хода событий»:

В ней [«новой форме плюсквамперфекта»] обнаруживается интенсивное развитие противительных отношений и чрезвычайное богатство модальных значений. Иногда противительные отношения не оформляются грамматически. В этих случаях противопоставляются сами по себе действия, начальное и последующее, когда результат совершения последующего действия влияет на протекание начального действия, выраженного плюсквамперфектом... Констатация последующих обстоятельств свидетельствует о неуверенности, о сомнении в истинности слов отца князя [Там же: 237–238].

Несколько более сложная ситуация в примере с этим глаголом из Галицко-Волынской летописи:

- (24) Мъстиславъ же р(ч)е еп(с)поу брата своего: «Г(с)не, рцї, бра(т) мои! ка сего ци хотѣль, вже бы мнѣ искати твои землѣ по твоємъ животѣ? Сего ни на ср(д)цѣ моемъ не было, но **рекль ми есь былъ** в Лахохъ, коли есмь былѣ с Телебоугою и Ал(г)вемь, а братъ мои Левъ тоуто же, и сновець ми Юрьи. Ты же, г(с)не мои братъ мои, прислалъ ко мнѣ, тако река: «Мъстиславе, даю ти землю свою всю и города по своємъ животѣ» (ГВЛ по Ипат., 1287, л. 298 об. — 299).

В этом эпизоде бездетный больной князь Владимир Василькович устно завещает кузену Мстиславу Даниловичу свой удел, однако после того, как Мстислав начинает распоряжаться наследством при жизни Владимира, тот

требует заключения уже письменного договора на тех же условиях. Мстислав кается и соглашается на такой договор, тем самым старое устное соглашение («джентльменское», как и в грамоте № 675, но при земных высокопоставленных свидетелях; не случайно они тут же перечисляются) скомпрометировано этим скандалом, и составляется письменный документ (который тут же и приводится в летописи)¹⁹.

Итак, в грамоте № 675 достаточно информации, чтобы с очень высокой вероятностью предполагать значение «нарушение нормального хода ситуации».

4.4. Фрагментарные грамоты: что-то могло пойти не так

С плюсквамперфекта начинается изложение сути дела еще в двух, уже поздних грамотах, в обоих случаях сразу после адресной формулы, но, к сожалению, текст сохранился даже хуже, чем в № 675, — налицо только самая первая клауза. Напомним, что оба эти текста А. А. Зализняк [1995; 2004] рассматривает в одном ряду с грамотой № 724, где выражено классическое значение «сдвиг начальной точки».

- (25) (Сѣ О)[л]ексѣа ко Гаврилѣ. **Рекль ѳси былъ** во своємъ селѣ верши всѣ добры и араа жита... (№ 195, усл. 1300–1320)
 ‘От Олексея к Гавриле. Ты говорил, что в твоём селе хлеба все хороши и яровой ячмень...’.

«Ты говорил, что всё хорошо» — нормальное начало для грамоты, смысл которой — сообщить Гавриле, что «оказывается, всё плохо» (не случаен выбранный А. А. Зализняком для перевода этой грамоты несовершенный вид, выражающий в современном русском языке именно это значение!). Кроме того, выше разобраны ((22)—(24)) три примера с *реклъ* в составе сверхсложной формы (в том числе второго лица); во всех случаях речь идет о неактуальности заявления или обещания. Но, конечно, здесь теоретически не исключено и начало какого-то другого сюжета.

- (26) (Челобит)иѣ Гну Михаи(лу Ю)рѣвицу ѿ Тороха и ѿ Тимошѣ.
И Торохъ возилесь быле в - - -имовѣ²⁰ хоромѣ, а (Ти)мошка въ Тороховѣ... (№ 300, усл. 1420–1430)

¹⁹ Возможна и другая трактовка. Как указал анонимный рецензент, «нельзя не отметить... что этот пример близок к примерам 16 и 17, в которых одно и то же действие обозначается дважды: первый раз, в начале микронарратива, плюсквамперфектом, второй раз, при более подробном описании той же ситуации — перфектом/аористом».

²⁰ Можно попробовать дочитать это имя. В издании тут читалось (*Ма*)ѣимовѣ (и приведена соответствующая прорись с верхом от *ѣ*), но такой вариант невозможен как из-за видных на фотографии остатков буквы перед *и*, так и из-за ширины буквы *м*, не помещающейся в лауну. Он снят уже А. А. Зализняком [1986: 201], но лакуна в дальнейшем осталась незаполненной. Перед *и* виден верх от *х* (ср., в част-

‘[Челобитье] господину Михаилу Юрьевичу от Тереха и от Тимошки. Терех въезжал (переезжал) в ...имов дом, а Тимошка в Терехов...’.

При интерпретации, принятой в словоуказателях к [Зализняк 1995; 2004], переезды Тереха и Тимошки выражены глаголом неопределенного движения *возитиса*. Это делает данную грамоту интересной с точки зрения аспектологии, поскольку во всех остальных берестяных грамотах в сочетании с плюсквамперфектом представлен совершенный вид (см. раздел 5; сразу отмечу, что я не принимаю скептической версии об отсутствии категории вида в эпоху берестяных грамот, выраженной, например, в [Nørgård-Sørensen 1997]). В современном языке глагол *возиться*, утративший семантику ‘переезжать’, а также глагол *возить* — несовершенного вида; это означает, что они, скорее всего, не были СВ-глаголами в древности, но могли быть неохарактеризованными по виду. В памятниках недостаточно данных для определенных заключений ни насчет глагола *возити*, ни насчет его возвратного коррелята (а он мог вести себя и несколько иначе); косвенным аргументом в пользу НСВ-статуса древнерусского *возитиса* ‘переправляться’ может быть его сочетаемость с фазовым глаголом: *оубоавше сѧ почаша сѧ возити на одну сторону къ стои Софыи* (НПЛ по Синод., 1259, 137 об.). С другой стороны, частотные глаголы неопределенного движения или его каузации относятся к неохарактеризованным по виду: *ходити*, *водити* [Мишина 2018: 167–168], возможно, также и *ѣздити*. Ср. другие фрагментарные зачины поздних берестяных грамот, где глагол *ходити* выступает, по-видимому, в хабитуальном контексте (а скорее всего и в каких-то специальных терминологизированных значениях) без нарушения сценария по умолчанию, поэтому плюсквамперфект не используется: *ходиль ѡсподину снѧ мо(и)...* (№ 22, конец XIV в.), *что ходиль пѣшь чѣв...* (№ 1092, 2 четв. XIV в.).

Однако не менее, а то и более вероятно несколько другое чтение. А. А. Зализняк [1986: 201] также упоминает возможность видеть тут приставочный глагол *ввозитиса* (с записью двойного *в* через одиночное) со ссылкой на приведенное Л. В. Черепниним выражение *ввезлиса* ‘вселились’; учтен такой вариант и в самой первой версии составленного А. А. Зализ-

ности, *х* в слове *хоромѧ* в той же строке, с почти вертикальным левым верхним штрихом) или, что менее вероятно, *к* (единственный экземпляр в грамоте не очень похож). Мне кажутся наиболее вероятными варианты имен Анфим и Евфимий, учитывая, что замена *ф* на *х*, особенно в поздних грамотах, на бересте известна. Возможны конъектуры (*Сн*)[*х*]имовѧ (имя *Анхимъ* встретилось в псковской раздельной грамоте Мирожского монастыря с «сябрами» XV в., ГВНП, № 345), (*Сл*)[*х*]имовѧ (ср. *Алхимъ Скорына*, *Полоцкій сельчанинѧ* в словаре Н. М. Тупикова и фамилии *Алхимов*, *Ал(ь)химович*) или (*Сѡ*)[*х*]имовѧ (вариант *Овхимъ* также известен из западнорусских / старобелорусских документов, ср. фамилии *Авхимов*, *Авхимович*). Менее вероятно (*Ю*)[*к*]имовѧ, с широкой буквой *Ю*.

няком словоуказателя к берестяным грамотам, приложенной к VIII тому издания. В дальнейшем эта интерпретация оказалась «потерянной» и не учтенной в указателе к «Древненовгородскому диалекту» [Зализняк 1995: 602] (хотя альтернативный перевод «въезжал (переезжал)», возможно, ей навеян). На какой же источник ссылается Л. В. Черепнин [1969: 172]? Речь идет о правой грамоте 1504 г. между Колязиным монастырем и черными крестьянами Степаном и Аксеном Щелковыми, которые *ввезлися сильно* (самочинно вселились) в постройки, возведенные монастырскими крестьянами. Такую интерпретацию, как выясняется, существенно поддерживает еще один пример, связанный с грамотой № 300 не только лексической, но и грамматической параллелью: здесь мы имеем, помимо глагола *ввезтиса*, еще и плюсквамперфект (в антирезультативном значении). Это тоже правая грамота по совершенно аналогичному делу о самочинном захвате жилищ крестьян нижегородского Дудина монастыря, датированная 1555 г. и известная в списке 1683 г. (по среднерусскому подкорпусу НКРЯ, где, в свою очередь, — по изданию [Антонов 2000]):

- (27) ...Потому что Матюшка з братьею в монастырскую деревню в Черньцово селище ввезлись силно и ярь пахали, а монастырских крестьян ис тое деревни выбили вон, (...) и перед судьями Ушак Володимеров и целовалник и земской дьяк сказали, что они по цареве и великого князя грамоте Матюшку з братьею Скорятинных изъехали в монастырской деревне в Черньцове селище и из монастырские деревни из Черньцова селища их выслали, а *ввезлись были они в ту в монастырскую деревню силно*.

Л. В. Черепнин справедливо констатирует, вне всякой связи с никак не занимавшей его семантикой плюсквамперфекта: «Какие-то недоразумения в связи с “ввозом” в хоромы, построенные на барской земле, были и у крестьян Михаила Юрьевича — Тереха и Тимофея. Это заставило их обратиться с челобитной к своему господину» [Черепнин 1969: 172]. В двух документах XVI в. крестьяне вселились на новое место «сильно» (т. е. самочинно, с превышением полномочий), из-за чего их пришлось оттуда выдворять. Вряд ли в берестяной грамоте № 300 могла отразиться в точности такая же ситуация (ведь один из совместных челобитчиков переезжает в дом другого, и всё происходит в рамках одного землевладения), но и независимо от этого выбор не глагола СВ, как в правых грамотах, а НСВ либо неохарактеризованного, вероятно, не случаен: переезд по какой-то причине не осуществлен до конца, поэтому и требуется челобитная и вмешательство феодала. Для глагола *ввозити(са)* также не хватает примеров в памятниках, чтобы судить о его видовой принадлежности. [СлДРЯ XI–XIV] дает невозвратный вариант (для своего периода) как гапакс с примером:

- (28) Новгородци же поставиша острогъ около города по обѣ странѣ, а товаръ **въвозиша** въ городъ (НПЛ по Синод., 1270, 149–149 об.).

В этом единичном примере употреблен аорист, что для глаголов НСВ в принципе возможно [Мишина 2016].

Содержательную параллель именно с незавершенным переездом (уже не крестьян, а землевладельцев) можно указать в документе, практически синхронном грамоте № 300, где также налицо плюсквамперфект (с глаголом *мѣнѣти* '(об)менять'):

- (29) Се яз, Есип Савельевичь, дал есми в дом святыя Троицы в Сергиев монастырь игумену Саве и всей братьи осмину варницы у Галичской Соли на Верхнем колодязи воды, да двор Шишкинской и с лужком под двором; *а менили есмя были с Тихменем на его двор*, а дворов есмя не отвели, и Тихмень восхочет моего двора, и он отведет свой двор и с хоромы, а не отведет своего двора, ино им двор мой в дом святыя Троицы, как за мною был (Данная Есипа Савельевича Троице-Сергиева монастыря игумену Савве (1428–1432), список середины XVI в. по [АСЭИ, т. 1, № 67]).

В данной Есипа процесс обмена дворами между автором и Тихменем юридически не завершился из-за неосуществления процедуры «отвода двора», без которой Тихмень не вправе претендовать на двор Есипа. Поскольку Терех и Тимошка в челобитной выступают в качестве единой стороны, возможно, завершению переезда помешало какое-то действие или бездействие третьего участника ситуации (которого звали Онхим или каким-то похожим именем).

Таким образом, здесь можно предполагать значение незавершенной ситуации, отсутствие примеров которой на бересте отмечал А. А. Зализняк в «Древненовгородском диалекте». Конечно, теоретически не исключен и «сдвиг начальной точки», и даже (хотя это менее вероятно, см. выше) «аннулированный результат».

5. Итоги

Перечислим встретившиеся на бересте значения плюсквамперфекта со списком грамот, которые я отношу к данной категории, в порядке их датировок. Присоединим к этому фонду и городищенскую надпись об азбуке Стыряты (№ 33). Звездочкой обозначены грамоты, сохранившиеся не полностью; жирным шрифтом выделены «новые» сюжеты из берестяных грамот, специально разбираемые в настоящей статье. Альтернативные варианты приведены в скобках.

[0. Перформатив (книжная форма): 510* (←1220–1240)]

I. Сдвиг начальной точки: 724 (1160–1180), 4* (1320–1340→)

II. Аннулированный результат: **502** (←**1180–1200**; **возм. III**), 213 (1240–1260→), 366 (←1360–1380)

- III. Нарушение нормального хода (макро)ситуации: **675*** (←1140–1160→), **705 (1200–1220→)**, **195* (1300–1320; возм. I)**
- IV. Незавершенное действие: городищенская надпись № 33 (XII в., вероятно, начало), **300* (1420–1430; возм. I)**

Как мы видим, показаний берестяных грамот недостаточно для того, чтобы установить хронологическое развитие семантики сверхсложной формы плюсквамперфекта. Действительно, в XII в. уже засвидетельствованы все четыре употребления (если не считать явно искусственного перформативного использования в № 510, хотя и здесь, в принципе, могут найтись другие интерпретации) — сдвиг начальной точки, аннулированный результат, нарушение нормального хода макроситуации, а также (в граффити) незавершенное действие. Все они налицо и два века спустя. Следует предполагать, что развитие по крайней мере части этих значений в XI в. уже имело место, и отнесение известных в более поздних списках сверхсложных форм со значением аннулированного результата *росплодили были* из предисловия к Софийскому временнику. *прелстил еси былъ* из ПВЛ и *быль оуставилъ* из Русской правды к архетипам XI в. вполне правдоподобно. Что касается дальнейшей хронологии, то значения II–IV (хотя с определенным сужением) сохранились и у современной литературной частицы *было*; лишь «сдвиг начальной точки» утрачен как продуктивное явление и сведен к формуле *жили-были*, причем остатки такого значения, по-видимому, в северных говорах удержались.

Взглянем теперь на сочетаемость плюсквамперфекта с видом (о которой применительно к славянским языкам в целом см. [Барентсен 2015; Сичинава 2018]). Оказывается, что в 9 случаях из 10 в сочетании с этой формой на бересте используется совершенный вид, преобладающий и в современном языке; только один раз в грамоте № 300 (причем самой поздней из имеющихся, XV в.) мы имеем форму глагола движения: *возилесь* (или *⟨в⟩возилесь*) *быле*, которая в древности как минимум не была СВ (или неохарактеризованной по виду, или НСВ).

В обследованном нами фонде примеров сверхсложной формы из древнерусского и среднерусского корпусов НКРЯ, а также из других источников, синхронных берестяной письменности (до середины XV в.), несовершенный вид также крайне редитетен²¹. Вполне заслуживает доверия по сути только один пример из Пчелы (ср. выше, (2)), но здесь речь идет о церковнославянском переводе с греческого подлинника: *Филипъ же рече: во истинуоу добромыслень еси друоугъ, и таиль сѧ еси бы(л̑)* [ἐλάμβανε, имперфект], *но оуже працаю тѧ, а храни друожбою ѿселъ со мною*.

²¹ Ситуация осложняется тем, что в нередких для XV–XVII вв. примерах типа *Тоя же тамъ лѣта силно было в осень дождя сло много* (Пск. 3 лет. по Строев., 1475, л. 167 об.; ср. [Петрухин, Сичинава 2008: 229; Петрухин 2013: 76]) ‘В тот же год осенью шли сильные дожди’ к тому же, скорее всего, представлен не плюсквамперфект, а «удостоверительное» (по [Шевелева 1993: 146]) *было*.

Встретившиеся в сверхсложной форме глаголы (составляющие вместе до 25 % всего фонда примеров указанного периода) *цѣловати* (*хрьсть*), *доумати* ‘решать’²² (ср. *хр(с)тъ к нама была цѣловала и доумоу доумала* (КЛ по Ипат., 1147, 127 об.²³), *везти*, *ити* (ср. некоторые примеры в [Петрухин 2007: 277], где они трактуются как НСВ), а также *пѣсати* (см. ранний пример из приписки Завида в составе Архангельского ев. в сноске 12) в древности были нехарактеризованными по виду и допускали двойную интерпретацию [Мишина 2018: 167–168], критерием чего служит сочетаемость с фазовыми глаголами, имперфектом геср. аористом и действительными причастиями (такой алгоритм восходит к работам Э. Кошмидера и А. Вайяна).

Характерная для современного языка сочетаемость плюсквамперфекта с глаголами НСВ типа *хотѣти*, *сбиратися* является более поздней и датируется только XVI в. (ср. [Чернов 1961: 238; Петрухин, Сичинава 2008: 237]).

Таким образом, данные берестяных грамот, несмотря на небольшой фонд примеров, подтверждают, что сочетаемость сверхсложного плюсквамперфекта с несовершенным видом в живой древнерусской речи не была частотна и становится продуктивной ближе к концу соответствующего хронологического периода. Возможно, сочетаемость с плюсквамперфектом даже является для древнерусского периода одним из критериев видовой принадлежности (наряду с образованием аориста и с причастием прошедшего времени), хотя эта гипотеза нуждается в проверке. Это важный материал для суждений об истории такой сочетаемости в славянских языках вообще. Он заставляет несколько иначе взглянуть на историю сочетаемости восточнославянского плюсквамперфекта с видом, чем, например, в работе [Сичинава 2018]; данной теме я планирую посвятить особую статью (специально отметим, что в книжных памятниках схожая картина сочетаемости с видом верна и для книжной формы плюсквамперфекта).

Интерпретация ранее подробно не изучавшихся примеров из берестяных грамот показывает, что сохранившийся контекст в ряде случаев достаточен для вполне вероятных гипотез об использовании сверхсложного плюсквамперфекта в значении, близком к привычному для юридических документов, и демонстрирует, что активное использование данной формы в этом жанре (как на бересте, так и на пергамене или бумаге) удачно подчеркивает прагматику юридического документа: неактуальность тех или иных правовых действий, нарушение тех или иных стандартных сценариев. Можно присоединиться к словам П. В. Петрухина, рассматривающего сверхсложную форму с учетом современной философии права и заклю-

²² Впрочем, согласно [Ptentsova 2020], перфективные контексты для *думати* крайне редки, и его следует считать «almost imperfective».

²³ В Московском летописном своде заменено на приставочный СВ: *крестъ к нам были цѣловали и думу соумали*.

чающего: «Как можно видеть, понятия “приписывания” и “отменяемости”, лежащие, согласно [правоведу Герберту] Харту, в основе юридического дискурса, находят в древнерусском деловом языке отчетливое грамматическое воплощение» [Петрухин 2013: 87]. Кроме того, представляется глубоко не случайным, что уже среди ранних грамот, появившихся в «добюрократический» период, но тем не менее отражающих стремление к фиксации обстоятельств судебных конфликтов на бересте [Гимон 2016: 44], значительная часть содержит формы плюсквамперфекта.

Вместе с тем материал берестяных грамот заставляет с большим вниманием отнестись к примерам, в которых речь идет не об отмене результата действия, выраженного глаголом в плюсквамперфекте, а о нарушении нормального хода ситуации по умолчанию, о выборе из «возможных миров» «ненормального». Данная группа употреблений также гармонирует с прагматикой берестяной коммуникации — лаконичные новгородские корреспонденты, конечно, могли сообщить запиской, что всё в порядке (ср. № 351, 710, 1000, Ст. Р. 33, Торж. 31 и др.), но заметно чаще они брались за писало, когда «что-то шло не так».

Источники

АСЭИ — Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин и др. (отв. ред.). Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1. М., 1952.

ГВНП — С. Н. Валк (ред.). Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., 1949.

ПГ — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. / А. Л. Хорошкевич (отв. ред.). Т. I. М., 2015.

Пчела — «Пчела»: Древнерусский перевод. Т. I / Отв. ред. А. М. Молдован; изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. М., 2008.

СлДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1988—

Литература

Антонов 2000 — А. В. Антонов. Правая грамота 1555 года из архива Нижегородского Дудина монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 6. М: Памятники исторической мысли, 2000.

Арциховский, Янин 1978 — А. В. Арциховский, В. Л. Янин. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 годов). М.: Наука, 1978.

Барентсен 2015 — А. Барентсен. Вид и плюсквамперфект в славянских языках // Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 13–15 ноября 2015 г. С. 14–20.

Вайс 2003 — Д. Вайс. Русские двойные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6). С. 37–59.

Востоков 1863 — А. Х. Востоков. Грамматика церковно-словенского языка, изложенная по древнейшим оного письменным памятникам. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1863.

Гимон 2016 — Т. В. Гимон. Древнерусские судебные документы XIII–XIV вв. // Письмо и повседневность. Вып. 3. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2016. С. 18–48.

Гиппиус 2004 — А. А. Гиппиус. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М.: Русские словари, 2004. С. 183–232.

Гиппиус 2010 — А. А. Гиппиус. Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 143–199.

Гиппиус, Михеев 2019 — А. А. Гиппиус, С. М. Михеев. Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: предварительный обзор // Архитектурная археология. 2019. № 1. С. 35–54.

Гиппиус, Михеев 2020 — А. А. Гиппиус, С. М. Михеев. К прочтению записей Архангельского евангелия 1092 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2. С. 128–147.

Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.

Зализняк 1986 — А. А. Зализняк. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977–1983 годов. М.: Наука, 1986. С. 89–217.

Зализняк 1995 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М.: Языки русской культуры, 1995.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк 2004а — А. А. Зализняк. К изучению древнерусских надписей // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1997–2000 годов. М.: Русские словари, 2004. С. 233–287.

Князев 2004 — Ю. П. Князев. Форма и значение конструкций с частицей было в русском языке // Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 296–304.

Корнієнко 2011 — В. В. Корнієнко. Корпус графіті Софії Київської (XI–початок XVIII ст.). Ч. 3: Центральна нава. К.: Горобець, 2011.

Крысько 2011 — В. Б. Крысько. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь–февраль. Т. II: Указатели. Исследования. М.: Азбуковник, 2011. С. 798–837.

Лукин 2016 — П. В. Лукин. Суд на корабле в Новгороде XV в. // Исторический вестник. Т. XVII. М., 2016. С. 136–153.

Мишина 2016 — Е. А. Мишина. Об особых употреблениях форм аориста и действительного причастия прошедшего времени // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. XI. М., 2016. С. 418–436.

Мишина 2018 — Е. А. Мишина. К вопросу о видовой семантике простых (бесприставочных) глаголов в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2018. № 1 (35). С. 161–182.

Молдован 2000 — А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М.: Азбуковник, 2000.

Мольков 2016 — Г. А. Мольков. Употребление частицы *было* в переводе «Метаморфоз» Овидия начала XVIII в. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. X. М., 2016. С. 454–464.

Пенькова 2019 — Я. А. Пенькова. Предбудущее (второе будущее) в древне-новгородском диалекте: время или наклонение? // *Russian Linguistics*. 2019. Vol. 43. № 1. P. 65–77.

Петрухин 2004 — П. В. Петрухин. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // *Russian Linguistics*. 2004. Vol. 28. № 1. P. 73–107.

Петрухин 2007 — П. В. Петрухин. *Жили-были*: вопрос закрыт? // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 268–282.

Петрухин 2008 — П. В. Петрухин. Дискурсивные функции древнерусского плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 213–240.

Петрухин 2012 — П. В. Петрухин. К вопросу о языке Смоленской договорной грамоты 1229 г. // М. Д. Воейкова (ред.). От формы к значению, от значения к форме: Сборник статей в честь 80-летия А. В. Бондарко. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 477–488.

Петрухин 2013 — П. В. Петрухин. К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности // *Wiener Slawistischer Jahrbuch, neue Folge* 1. 2013. S. 74–98.

Петрухин 2019 — П. В. Петрухин. Где и когда собирал дань новгородец Савва? // *Slověne*. 2019. Vol. 8. № 1. С. 55–108.

Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 193–214.

Петрухин, Сичинава 2008 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных диалектных конструкциях // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15). С. 224–258.

Сахарова 2015 — А. В. Сахарова. Формы прошедшего времени в древнерусском переводе Жития Андрея Юродивого и их соответствия в греческом оригинале // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1 (29). С. 191–214.

Сичинава 2008 — Д. В. Сичинава. «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные категории / В. А. Плунгян, В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева (ред.). М.: Гнозис, 2008. С. 241–274.

Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ, 2013.

Сичинава 2017 — Д. В. Сичинава. Письмо к Черту: один малоизвестный пример древнерусского плюсквамперфекта // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 219–228.

Сичинава 2018 — Д. В. Сичинава. Абсолютно-относительные времена и их сочетаемость с видом в истории славянских языков // *La relation temps/aspect*:

approches typologique et contrastive / Т. Milliaressi (ed.). Lille: Editions du conseil scientifique de l'UL3 Lille, 2018. P. 93–99.

Сичинава 2019 — Д. В. Сичинава. Славянский плюсквамперфект: пространства возможностей // Вопросы языкознания. 2019. № 1. С. 30–57

Хабургаев 1978 — Г. А. Хабургаев. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. № 4. 1978. С. 42–53.

Циммерлинг 2019 — А. В. Циммерлинг. Связки плюсквамперфекта в русском языке XIV–XVI вв. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2019. Т. 18, № 4. С. 41–57.

Черепнин 1969 — Л. В. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.: Наука, 1969.

Чернов 1961 — В. И. Чернов. Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянским языками. Дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГПИ им. Герцена, 1961.

Черных 1953 — П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года: Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953.

Шевелева 1993 — М. Н. Шевелева. Аномальные церковнославянские формы с глаголом *быти* и их диалектные соответствия (к вопросу о соотношении церковнославянской нормы и диалектной системы) // Исследования по славянскому историческому языкознанию: Памяти профессора Г. А. Хабургаева. М.: МГУ, 1993. С. 135–155.

Шевелева 2007 — М. Н. Шевелева. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 214–252.

Шевелева 2015 — М. Н. Шевелева. Некоторые соображения по поводу книги Д. В. Сичинавы «Типология плюсквамперфекта...» // Русский язык в научном освещении. 2015. № 2 (30). С. 180–209.

Barentsen 1986 — A. Barentsen. The use of the particle БЫЛО in modern Russian // Dutch Studies in Russian Linguistics. Vol. 8. Amsterdam, 1986. P. 1–68.

Kagan 2011 — O. Kagan. The actual world is abnormal: on the semantics of the *bylo* construction in Russian // Linguistics and Philosophy. 2011. Vol. 34. P. 57–84.

Klenin 1993 — E. Klenin. The Perfect tense in the Laurentian manuscript of 1377 // American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists. Bratislava, August — September 1993. Literature. Linguistics. Poetics / R. A. Maguire, A. Timberlake (eds.). Columbus (Ohio), 1993. P. 330–343.

Nørgård-Sørensen 1997 — J. Nørgård-Sørensen. Tense, aspect and verbal derivation in the language of the Novgorod birch bark letters // Russian Linguistics. 1997. Vol. 21 (1). P. 1–21.

Ptentsova 2020 — A. Ptentsova. *Доумати* (dumati) and *съдоумати* (sʹdumati): are they a perfect aspectual pair? // Abstracts for the Aspect and (diachronic) corpora workshop; University of Mainz, P. 21 (<http://www.diaspol.uw.edu.pl/eng/wp-content/uploads/sites/5/2019/12/Abstracts.pdf>)

Статья получена 23.07.2019

Dmitri V. Sitchinava

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
mitrius@gmail.com

**RE-READING PLUPERFECT:
A NEW OVERVIEW OF THE EXAMPLES OF PLUPERFECT
IN BIRCHBARK LETTERS**

The paper proposes an analysis of all the 10 examples of pluperfect in the Novgorod birchbark letters of the 12th-15th centuries within the context of other Old East Slavic texts of the period, including new epigraphical findings. These findings corroborate our earlier idea, co-authored with Pavel Petrukhin, on difference in semantics between the pluperfect forms with different auxiliaries. Half of the birchbark examples are re-interpreted with particular attention to the semantics of "disturbance of the natural flow of events," which should not be confused with "cancelled result." For parallels, contexts from other sources with cognate and/or synonymous verbs are invoked: they mutually contribute to the interpretation of close contexts. In some cases, a new interpretation of the pluperfect form brings a new treatment of the wider context. It is demonstrated that the polysemy of the Middle Russian pluperfect, and, *mutatis mutandis*, of the *bylo* particle in Russian was already there in the 12th century and had almost certainly developed by the 11th century. The problem of the interrelation between the supercompound form (with the auxiliary *byl-*) and aspect in Old East Slavic texts is also discussed. It is found that the distribution of perfective and imperfective forms in the birchbark letters (9 perfective vs. 1 possibly imperfective, this one being chronologically the last) corresponds to the general tendency of co-occurrence of the pluperfect with the perfective aspect (hitherto largely unnoticed).

Keywords: Old East Slavic, Old Novgorod dialect, birchbark letters, pluperfect, grammatical semantics, tense and aspect

References

- Antonov, A. V. (2000). *Pravaia gramota 1555 goda iz arkhiva Nizhegorodskogo Dudina monastyria*. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli.
- Artsikhovskiy, A. V., & Yanin, V. L. (1978). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1962–1976 godov)*. Moscow: Nauka.
- Barentsen, A. (1986). The Use of the Particle BYLO in Modern Russian. *Dutch Studies in Russian Linguistics*, 8, 1–68.
- Barentsen, A. (2015). Vid i pluskvamperfekt v slavianskikh yazykakh. In *Aspektual'naiia semanticheskaia zona: Tipologiiia sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitiia* [Aspectual Semantic Zone: Typology of Systems and Scenarios of Diachronic Development] (pp. 14–20). Kyoto: Tanaka Print.
- Cherepnin, L. V. (1969). *Novgorodskie berestiane gramoty kak istoricheskii istochnik*. Moscow: Nauka.
- Chernov, V. I. (1961). *Pluskvamperfekt v istorii russkogo yazyka sravnitel'no s cheshskim i staroslavianskim yazykami* (unpublished doctoral dissertation). Gertsen Leningrad State Pedagogical Institute, Leningrad.
- Chernykh, P. Ya. (1953). *Yazyk Ulozheniia 1649 goda: Voprosy orfografii, fonetiki i morfologii v sviazi s istoriei Ulozhennoi knigi*. Moscow: Izd-vo Akademii Nauk SSSR.

Gimon, T. V. (2016). Drevnerusskie sudebnye dokumenty XIII–XIV vv. In A. A. Chubaryan (Ed.), *Pis'mo i povsednevnost'* (Issue 3, pp. 18–48). Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN.

Gippius, A. A. (2004). K pragmatike i kommunikativnoi organizatsii berestianykh gramot. In V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak, & A. A. Gippius, *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 gg.)* (pp. 183–232). Moscow: Russkie slovari.

Gippius, A. A. (2010). Predislovie k «Sofiiskomu vremenniku» (Kievskomu Nachal'nomu svodu): tekst, yazyk, istochniki. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 143–199.

Gippius, A. A., & Mikheev, S. M. (2019). Nadpisi-graffiti tserkvi Blagoveshcheniia na Gorodishche: predvaritel'nyi obzor. *Arkhitekturnaia arkheologiya*, 1, 35–54.

Gippius, A. A., & Mikheev, S. M. (2020). K prochteniiu zapisei Arkhangel'skogo evangeliia 1092 g. *Drevniaia Rus'*. *Voprosy medievistiki*, 2, 128–147.

Gorshkova, K. V., & Khaburgaev, G. A. (1981). *Istoricheskaia grammatika russkogo yazyka*. Moscow: Vysshaya shkola.

Kagan, O. (2011). The Actual World is Abnormal: on the Semantics of the *bylo*-construction in Russian. *Linguistics and Philosophy*, 34, 57–84.

Khaburgaev, G. A. (1978). Sud'ba vspomogatel'nogo glagola drevnikh slavianskikh analiticheskikh form v russkom yazyke. *Vestnik MGU, Ser. 9. Filologiya*, 4, 42–53.

Klenin, E. (1993). The Perfect Tense in the Laurentian Manuscript of 1377. In R. A. Maguire, & A. Timberlake (Eds.), *American Contributions to the 11th International Congress of Slavists (Bratislava, August — September 1993). Literature. Linguistics. Poetics* (pp. 330–343). Columbus (Ohio): Slavica Publishers.

Knyazev, Yu. P. (2004). Forma i znachenie konstruktssii s chastitsej *bylo* v russkom yazyke. In Yu. D. Apresian (Ed.), *Sokrovennye smysly. Slovo, tekst, kul'tura. Sbornik statei v chest' N. D. Arutiunovoi* (pp. 296–304). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Kornienko, V. V. (2011). *Korpus hrafiti Sofiyi Kyiyvs'koi (XI — pochatok XVIII st.)* (Part 3). Kiev: Horobets'.

Krysko, V. B. (2011). Morfologicheskie osobennosti zhitiinoi chasti Sofiiskogo prologa. In V. B. Krysko (Ed.), *Slaviano-russkii Prolog po drevneishim spiskam. Sinaksar' (zhitiinaia chast' Prologa kratkoi redaktsii) za sentiabr'-fevral'* (Vol. 2, pp. 798–837). Moscow: Azbukovnik.

Lukin, P. V. (2016). Sud na korable v Novgorode XV v. *Istoricheskii vestnik*, 17, 136–153.

Mishina, E. A. (2016). Ob osobykh upotrebleniakh form aorista i deistvitel'nogo prichastiia proshedshego vremeni. In T. V. Skulacheva (Ed.), *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* (Issue 11, pp. 418–436). Moscow: IRIa RAN.

Mishina, E. A. (2018). K voprosu o vidovoi semantike prostykh (bespristavochnykh) glagolov v drevnerusskom yazyke. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 161–182.

Moldovan, A. M. (2000). *Zhitie Andreia Yurodivogo v slavianskoi pis'mennosti*. Moscow: Azbukovnik.

Molkov, G. A. (2016). Upotreblenie chastitsy *bylo* v perevode «Metamorfoz» Ovidiia nachala XVIII v. In A. M. Moldovan (Ed.), *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* (Issue 10, pp. 454–464). Moscow: IRIa RAN.

Nørgård-Sørensen, J. (1997). Tense, Aspect and Verbal Derivation in the Language of the Novgorod Birch bark Letters. *Russian Linguistics*, 21(1), 1–21.

Penkova, Ya. A. (2019). Predbudushchee (vtoroe budushchee) v drevnenovgorodskom dialekte: vremia ili naklonenie? *Russian Linguistics*, 43(1), 65–77.

Petrukhin, P. V. (2004). Perfekt i pluskvamperfekt v Novgorodskoi pervoi letopisi po Sinodal'nomu spisku. *Russian Linguistics*, 28(1), 73–107.

Petrukhin, P. V. (2007). *Zhili-byli: vopros zakryt? Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 268–282.

Petrukhin, P. V. (2008). Diskursivnye funktsii drevnerusskogo pluskvamperfekta (na materiale Kievskoi i Galitsko-Volynskoi letopisei). In V. Yu. Gusev, V. A. Plungian, & A. Yu. Urmanchieva (Eds.), *Issledovaniia po teorii grammatiki* (Issue 4, pp. 213–240). Moscow: Gnozis.

Petrukhin, P. V. (2012). K voprosu o yazyke Smolenskoj dogovornoj gramoty 1229 g. In M. D. Voeykova (Ed.), *Ot formy k znacheniiu, ot znacheniiia k forme: Sbornik statei v chest' 80-letiiia A. V. Bondarko* (pp. 477–488). Moscow: Yazyki slavianskoj kul'tury.

Petrukhin, P. V. (2013). K pragmatike sverkslozhnogo proshedshego vremeni v vostochnoslavianskoj pis'mennosti. *Wiener Slawistischer Jahrbuch, neue Folge*, 1, 74–98.

Petrukhin, P. V. (2019). Gde i kogda sobiral dan' novgorodets Savva? *Slověne*, 8(1), 55–108.

Petrukhin, P. V., & Sitchinava, D. V. (2006). «Russkii pluskvamperfekt» v tipologicheskoj perspective. In A. M. Moldovan (Ed.), *Verenitsa liter: K 60-letiiu V. M. Zhivova* (pp. 193–214). Moscow: Yazyki slaianskoj kul'tury.

Petrukhin, P. V., & Sitchinava, D. V. (2008). Eshche raz o vostochnoslavianskom sverkslozhnom proshedshego, pluskvamperfekte i sovremennykh dialektnykh konstruktiiakh. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 224–258.

Ptentsova, A. (2020). Дюмати (dumati) and съдоумати (sъdumati): Are They a Perfect Aspectual Pair? In *Abstracts for the Aspect and (diachronic) corpora workshop* (p. 21). University of Mainz. Retrieved from <http://www.diaspol.uw.edu.pl/eng/wp-content/uploads/sites/5/2019/12/Abstracts.pdf>

Sakharova, A. V. (2015). Formy proshedshego vremeni v drevnerusskom perevode Zhitiiia Andreyia Yurodivogo i ikh sootvetstviia v grecheskom originale. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 191–214.

Sheveleva, M. N. (1993). Anomal'nye tserkovnoslavianskie formy s glagolom *byti* i ikh dialektnye sootvetstviia (k voprosu o sootnoshenii tserkovnoslavianskoj normy i dialektnoi sistemy). In B. A. Uspenskij, & M. N. Sheveleva (Eds.), *Issledovaniia po slavianskomu istoricheskomu yazykoznaniiu: Pamiati professora G. A. Khaburgaeva* (pp. 135–155). Moscow: MGU.

Sheveleva, M. N. (2007). «Russkii pluskvamperfekt» v drevnerusskikh pamiatnikakh i sovremennykh govorakh. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 214–252.

Sheveleva, M. N. (2015). Nekotorye soobrazheniia po povodu knigi D. V. Sitchinavy «Tipologii pluskvamperfekta...». *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 180–209.

Sitchinava, D. V. (2008). «Sdvig nachal'noi tochki»: upotreblenie nekotorykh glagol'nykh form v introduktivnoj funktsii. In V. A. Plungian, V. Yu. Gusev, & A. Yu. Urmanchieva (Eds.), *Issledovaniia po teorii grammatiki* (Issue 4, pp. 241–274). Moscow: Gnozis.

Sitchinava, D. V. (2013). *Tipologii pluskvamperfekta. Slavyanskii pluskvamperfekt*. Moscow: AST.

Sitchinava, D. V. (2017). Pis'mo k Chertu: odin maloizvestnyi primer drevnerusskogo pluskvamperfekta. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 219–228.

Sitchinava, D. V. (2018). Absolutno-otnositel'nye vremena i ikh sochetajemost' s vidom v istorii slavianskikh yazykov. In T. Milliaressi (Ed.), *La relation temps/aspect:*

approches typologique et contrastive (pp. 93–99). Lille: Editions du conseil scientifique de l'UL3 Lille.

Sitchinava, D. V. (2019). Slavianskii pluskvamperfekt: prostranstva vozmozhnosti. *Voprosy jazykoznanija*, 1, 30–57

Weiss, D. (2003). Russkie dvoinye glagoly i ikh sootvetstviia v finno-ugorskikh yazykakh. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 37–59.

Zaliznyak, A. A. (1986). Novgorodskie berestiane gramoty s lingvisticheskoi točki zreniia. In V. L. Yanin, & A. A. Zaliznyak. *Novgorodskie gramoty na bereste iz raskopok 1977–1983 godov* (pp. 89–217). Moscow: Nauka.

Zaliznyak, A. A. (1995). *Drevnenovgorodskii dialect*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialect* (2nd ed.). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Zaliznyak, A. A. (2004a). K izucheniiu drevnerusskikh nadpisei. In V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak, & A. A. Gippius, *Novgorodskie gramoty na bereste iz raskopok 1997–2000 godov* (pp. 233–287). Moscow: Russkie slovari.

Zimmerling, A. V. (2019). Sviazki pluskvamperfekta v russkom yazyke XIV–XVI vv. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. 2: Yazykoznanie*, 18(4), 41–57.

Received on July 23, 2019